

ДИНА РУБИНА

ДЕНЬ УБОРКИ

Дина Ильинична Рубина

День уборки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163740

Эксмо;

ISBN 978-5-04-143696-4

Аннотация

«Нюра берет недорого – пять рублей за день. Но это, конечно, с хозяйскими харчами, и чтоб за обедом обязательно поднесли. В этом пункте Нюра особо не кочевряжилась, годилось все: и сухое, если белой в доме не водится, и портвейн, и даже домашняя наливка...»

Дина Рубина

День уборки

Нюра берет недорого – пять рублей за день. Но это, конечно, с хозяйскими харчами, и чтоб за обедом обязательно поднесли. В этом пункте Нюра особо не кочевряжилась, годилось все: и сухое, если белой в доме не водится, и портвейн, и даже домашняя наливка.

А что, домашняя наливка, если ее по правильному рецепту делать, лучше любого магазинного. К примеру, какое домашнее делал всегда Владимир Федорович, царствие ему небесное! И смородинную, и рябиновку, и сливянку – и все из своего, все на даче росло. А однажды даже из винограда сделал, из того, что их молодая приятельница с юга прислала. Веселый был покойный Владимир Федорович, и умер-то совсем не старым – и шестидесяти восьми не было. Жить и жить... После его смерти Галина Николаевна и дачу продала, и машину продала. А зачем ей машина? Одна как перст осталась. Детей-то у них с Владимиром Федоровичем не было, единственная дочка еще в младенчестве померла.

Одна только радость – это молодая приятельница с юга иногда в Москву приезжала. Сама-то Нюра ее не видела, не приходилось как-то, а вот портретик на стене в кабинете Владимира Федоровича часто рассматривала. Моет там окна или полы натирает, и нет-нет, да и взглянет на портретик,

а то подойдет и смотрит, смотрит... На лицо ее как-то смотреть хотелось. Чистое лицо такое, губы улыбаются, обманывают губы, а глаза вот обмануть никого не могут. И раздор этот улыбающихся губ и печальных глаз был на портрете, как на ладони.

Нюра, бывало, смотрит, смотрит, смахнет пыль со стекла и жалеючи так спросит портретик: «Ну чё прикидываешься-то?» Однажды обернулась, а в дверях кабинета Владимир Федорович стоит – локтем в косяк уперся, сильной пятерней седые волосы назад забросил.

– Что, Нюра, – и кивнул на портрет, – нравится?

– Ага. – Она отступила на шаг и, склонив набок голову, еще раз окинула взглядом портрет. – Только скушна чего-то...

– Нет, – возразил он, – она веселая... Она такая, – и не нашел слова, только прищелкнул пальцами. – Это, Нюра, женщина, перед которой – плащ в грязь!

Недаром писатель. Придумал тоже – плащ, и вдруг – в грязь. С чего это?.. Впрочем, к красоте чьей бы то ни было Нюра относилась уважительно, может, потому, что сама была кургузенькой женщиной с постоянно воспаленными от возни со стиральными порошками красными веками без ресниц, со смешным тонким говорком.

Были у Нюры клиенты и поважнее. В ее записной книжке (а у Нюры, как у всякого делового человека, имелась записная книжка) такие адреса встречались – ой-ей! У нее своя

клиентура была уже много лет. В основном Нюра убирала Большому театру, некоторым писателям и двум композиторам. За ней охотились, переманивали к себе, к ней «составляли протекцию», потому что Нюра брала недорого, а возилась весь день – и окна мыла, и полы натирала, и стирала. И все делала на совесть, а это сейчас большая редкость.

О Владимире Федоровиче Нюра вспомнила сегодня потому, что убирать к ним шла. То есть не к ним теперь, конечно, а к ней – Галине Николаевне. День подошел – семнадцатое октября. Галина Николаевна давно на семнадцатое записалась.

Вот только добираться Нюре было далековато – из Мытищ. На электричке, потом на метро с одной пересадкой, а там на автобусе.

Время неуклонно тянулось из осени в зиму, и этот день – мутный с самого утра – был, наверное, последней гирькой на весах природы, клонящихся к зиме. Летящий острый дождь то набирал силу, то снижал, как бы раздумывая – перейти ему в снежок или еще потянуть эту осеннюю волюнку.

В подъезде Галины Николаевны Нюра отряхнула свой красивый, с яркими бирюзовыми узорами зонтик, сложила его и вошла в лифт. Хотя Галина Николаевна жила на втором этаже, Нюра всегда поднималась к ней в лифте, она вообще никогда не пренебрегала теми благами, которые можно было выколотить у жизни, а уж тем более теми, что доставались

даром. Перед дверью, обитой черным дерматином, она тщательно вытерла ноги о тряпку, которую собственноручно после каждой уборки постилала, и нажала на кнопку звонка.

За дверь зашлепали тапочки, и какая-то чужая женщина долго возилась с замком, приговаривая низким хриловатым голосом: «Сейчас... минуточку... Свинство какое-то...» Наконец дверь открылась, и Нюра увидела в коридоре девочку. Девочка была в ситцевой косынке и веселом фланелевом халатике Галины Николаевны.

– Я смотрю, туда – не туда попала? – удивляясь, спросила Нюра.

– Туда, туда... – сказала девочка низким женским голосом. – Ну, заходите, холодно...

В коридоре девочка принялась раздевать Нюру, чего никогда никто еще не делал, даже собственная Нюрина дочь Валя, и этим привела ее в еще большее недоумение.

– Ой, да спасибо, да не надо, – смущаясь, приговаривала Нюра, а сама прикидывала: кем может приходиться Галине Николаевне эта девочка, так свободно чувствующая себя в хозяйском халатике? «Должно быть, внучатая племянка из Торжка», – наконец сообразила она и вспомнила, что вроде когда-то уже видела эту девочку, лицо знакомое.

– А я по уборке, – сказала Нюра.

– А я знаю, – просто сказала девочка. – Вы – Нюра. Пойдемте, мне велено вас завтраком накормить.

У нее было хорошее лицо с доверчивым выражением ни-

чего не понимающего в жизни ребенка. Вот только мелкие веснушки портили. «Может, израстется», – с сочувствием подумала о ней Нюра. Впрочем, на кухне, где было по-светлее, стало видно, что девочка постарше, чем показалось Нюре сначала. Можно ей было дать теперь и восемнадцать, пожалуй... Она быстро нарезала сыр, колбасу, хлеб, разбила на сковородку четыре яйца. «Племяшка... – подумала Нюра, принимаясь за еду. – Ихняя порода – кормить, не жалея».

– Я забыла, вам наливку когда давать? Сейчас?

– Не, эт в обед! А то разморит, – охотно объяснила Нюра. – А что там?

– Рябиновка... – Девочка подняла бутылку повыше, и жидкость заколыхалась в ней тяжелым кроваво-розовым телом. – Дядя Володя делал.

– А ты племяшка будешь?

– Нечто вроде, – как-то неопределенно ответила она. – Так наливать?

Нюра полюбовалась на полную бутылку, помедлила, изображая озабоченность предстоящей уборкой... На самом деле это было то непредвиденное благо, которое случайно, в спешке обронила жизнь, и не поднять это благо было преступлением.

– Ну плесни чуть... – разрешила Нюра.

Заедая рябиновку толстым бутербродом и чувствуя, как знакомо согревается веселым теплом выпитого душа, Нюра неожиданно поделилась:

– Сейчас в метро мужик какой-то замуж звал. Вы, грит, очень мне подходящая, мне лицо ваше нравится. Доброе, грит, лицо...

Девочка села напротив Нюры, подперла подбородок сцепленными в кулак руками и серьезно уставилась на Нюру, подалась к ней детски доверчивым лицом.

– Приличный человек? – спросила она.

– Приличной! – подхватила Нюра, довольная, что ее слушают так кротко и внимательно. – В кроличьей шапке, пальто тако солидное... Молодой еще мужчина, наверно, и шестидесяти нет.

– А что он – вдовец, разведенный?

– Вдовец, вдовец... – подхватила Нюра. – Жена в прошлом годе померла, а дети уже взрослые.

Ей все приятнее было говорить с этой девочкой, которая слушала ее, не перебивая, серьезно смотрела теплыми карими глазами и вставляла замечания сочувственно и в самую точку.

– Хозяйство у него на Клязьме: дом, куры, индюки, поросяток есть... Замучился, грит, с хозяйством, женщина нужна хорошая, работающая... А я, грит, вижу – лицо у вас доброе.

– Ну, и что же вы, Нюра, согласились?

– Не-е! – весело усмехнулась Нюра, хрустя огурчиком. – Ишь чего! Мне одной-то спокойней. Сын, Коля, уже техникум кончает. Дочка поваром в столовой... Сама себе я начальник. И все.

– Жалко... – задумчиво сказала девочка, и видно было по лицу, что она даже огорчилась за Нюру. – Он одинок, вы одиноки. Даже адреса не оставили?

– Не! – так же задорно-весело воскликнула Нюра. – Да я с им всего три остановки ехала.

Она вдруг совсем некстати вспомнила вчерашний разговор с Валькой на кухне, когда дочь, поеживаясь и пряча от матери глаза, неожиданно расплакалась и сказала, что беременна, уже второй месяц, а Сережка и не заговаривает о свадьбе... Нюра поначалу от этой интересной новости даже затрепину Вальке вlepила, а ночью все ворочалась, ворочалась, так и эдак прикидывала и решила наконец, что в воскресенье пойдет к Сережке домой, потолкует с матерью. А то детей строгать они все мастера, пусть человеком себя покажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.